

И. Пряшников ПИСАТЕЛИ
КЛАССИКИ
В ОРЕНБУРГСКОМ
КРАЕ

ор 82
П-85

Н. Прянишников ПИСАТЕЛИ
КЛАССИКИ
В ОРЕНБУРГСКОМ
КРАЕ

●
ИЗДАНИЕ
ЧЕТВЕРТОЕ

7
830365
16

ОРЕНБУРГСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА ИМ. Н. К. КРУДСКОЙ

ЧЕЛЯБИНСК • 1977

ЮЖНО-УРАЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

этот запечатлелся в моей памяти со всеми его подробностями. Как теперь вижу я небо, усеянное звездами, и степь, похожую на открытое море; как теперь слышу слова:

Дай нам бог, казаченькам, пожить да послужить,
На своей сторонущке головки положить.

**АЛЕКСЕЙ
НИКОЛАЕВИЧ
ПЛЕЩЕЕВ**

коло десяти лет пробыл в Оренбургском крае изгнанником другой известный поэт—Алексей Николаевич Плещеев (1825—1893). В исто-

рии русской поэзии он занимает скромное, но почетное место. Пафос поэзии Плещеева—в пропаганде того несколько абстрактного, но благородного гуманизма, который был знаменем передовой русской интеллигенции времен молодости поэта. Плещеев является автором популярного в свое время стихотворения «Вперед без страха и сомненья», которое называли «марсельзой сороковых годов» и о котором Чернышевский писал: «С особенным удовольствием перечитали мы прекрасный гимн, известный нам наизусть,—гимн, который всегда останется прекрасной памятью скромной, но благородной деятельности Плещеева».

Демократическое настроение и увлечение идеями утопического социализма привели молодого Плещеева в революционный кружок Петрашевского, за принадлежность к которому он поплатился лишением всех «прав состояния» (поэт происходил из старинной дворянской фамилии) и ссылкой в Оренбургский край, куда и был доставлен в 1850 году.

Зачисленный рядовым в один из батальонов Оренбургского отдельного корпуса, Плещеев перенес здесь все тягости царской казармы и муштры. В 1853 г. ему пришлось принять участие в военной экспедиции, предпринятой генералом Перовским для взятия кокандской крепости Ак-Мечеть (ныне Кзыл-Орда). В 1856 г. Плещеев уволился из военной службы и определился в гражданскую—на должность столоначальника Оренбургской пограничной комиссии. В 1857 г. он женился на дочери надзирателя

соляного рудника в Илецкой Защите (ныне Соль-Илецк) Е. А. Рудневой, а в 1858 г., получив, наконец, разрешение жить в столицах, выбыл из Оренбурга в Москву, где после многолетнего перерыва возобновил свою литературную деятельность.

Впрочем, частично литературная деятельность Плещеева была возобновлена еще в Оренбурге, в последние годы пребывания в нем поэта. В сборнике стихотворений Плещеева, вышедшем в свет в 1858 г., мы находим немало стихотворений, датированных последними годами ссылки и отразивших оренбургские впечатления. К их числу относится «Листок из дневника» (1856 г.), где есть острая сатирическая зарисовка тогдашнего оренбургского «общества»:

И возвратился вновь я в скучный город свой
И встретился с давно знакомою толпой,
Все тех же увидел я чопорных педантов,
Нелепых остряков, честолюбивых франтов:
Прибавилось еще немного новых лиц;
Пред золотым тельцом лежат, как прежде, ниц,
Все те же ссоры, сплетни и интриги:
В почете карты все, и все в опале книги!

Хорошо изучив местное общество, состоявшее из чиновников (военных и статских), помещиков и купцов, Плещеев более обстоятельно и так же сатирически изобразил его в повести «Пашинцев», напечатанной в «Русском вестнике» за 1859 год. Оренбург назван в повести «Ухабинском». Наиболее острой была глава «Ухабинская публика»¹, где описан бал в зале Собрания².

«Был очень табельный день, и потому зал ухабинского Собрания блистал ярче обыкновенного. Кроме шести люстр, постоянно зажигавшихся в клубные дни (ухабинская публика в течение всей зимы отплясывала здесь каждую среду), и по стенам горели повсюду свечи, отчего была нестерпимая духота. Снаружи здание тоже иллюминировали, и на улице густая толпа народа любовалась на длинные ряды плашек, украшавших балкон и тротуарные тумбочки... У подъезда обнаружилось не обыкновенное движение, кареты подъезжали одна за другой, и из них, с легкостью серпид, выскакивали очарова-

¹ Ниже все выдержки из этой главы приведены по изданию: Плещеев А. Н. Повести и рассказы. Под ред. П. Быкова СПб, 1897, т. II, с. 53—70.

² Ныне в этом здании (Советская, 17) Дом учителя.

тельные ухабинские дамы, в необозримых кринолинах, сопровождаемые мужьями в черных фраках и белых галстуках или в серебряных и золотых эполетах.

Среди публики присутствовал некто Выжлятников, желчный и «неблагоденный» человек, который, характеризуя Ухабинск, находит, что «город наш не уступит Крутогорску (из «Губернских очерков» Салтыкова-Щедрина), и заявляет: «Положительнейшим образом можно сказать, богатый рудник для писателя. Жаль, что не тронут».

Знакомя героя повести с собравшимся в зале обществом, Выжлятников дает убийственные по своему сарказму характеристики отдельных его представителей. Об одном, например, старичке «почтенной наружности» Выжлятников рассказывает «анекдотец, которым и сам господин Щедрин не побрезговал бы». Старичок этот, по имени Семен Власьич, первоначально служил в одном из самых «питательных» мест на свете — в таможне, с управляющим которой жил душа в душу, и вместе они обделывали «всякие этакie дела». Но однажды Семену Власьичу понадобился «значительный куш» и, чтобы добыть его, он «выкинул штуку». Якобы движимый угрызениями совести, он явился к губернатору с доносом на себя и своего начальника и просил произвести формальное следствие, обещая представить необходимые доказательства своей совместной с управляющим преступной деятельности. «Восчувствовал я, говорит, грешный раб, что против присяги шел, и приношу мое чистосердечное покаяние». Губернатор был человек «смирный» и к тому же состоял в дружбе с управляющим таможней. Они вдвоем стали умолять Семена Власьича отказаться от доноса и часа два «умасливали» его, пока он, наконец, подался и согласился взять «серебром десять тысяч», а донос обещал изорвать. Однако доноса он не изорвал, а пошел с ним к своему куму — полицмейстеру и, откровенно рассказав ему о происшедшем, предложил и в его пользу добыть такой же куш при условии, если тот поделится с ним половиной. «Ударили по рукам. Семен Власьич вручил полицмейстеру свой донос и дал инструкцию ехать с ним к губернатору и сказать, что нашел, мол, ваше превосходительство, на базаре пакет запечатанный: раскрыл и увидел донос. По долгу присяги и службы не могу такого злоупотребления попустить. Обязан отправить бумагу по назначению.

Сказано — сделано. Губернатор снова за управляющим. У полицмейстера, видно, совесть была поговорчивее, не долго ломался. Зато взял не десять, а двадцать тысяч, потому десять тысяч нужно было Семену Власьичу заплатить. После такого пассажа, конечно, Семен Власьич в таможене оставаться не заблагорассудил. В откупы пустился.

Местные взяточники, подхалимы и ханжи были выведены в повести Плещеева хоть и под вымышленными именами, но с достаточным портретным сходством. Поэтому, дойдя до Оренбурга, повесть произвела здесь большое смятение, несколько напоминающее соответственные сцены из последнего акта гоголевского «Ревизора». По этому поводу в «Губернских ведомостях» (издававшихся в Уфе) была помещена корреспонденция, автор которой писал: «Оренбург превратился в кабинет для чтения: оренбуржцы читают с увлечением, рассуждают, спорят, осуждают или одобряют прочитанное. «Русский вестник» переходит из рук в руки, его читают с жадностью; поля плещеевской повести носят заметки и объяснительные надписи для непосвященных в тайны общественной жизни Оренбурга».

Нечего и говорить, что узнавшие себя были страшно обозлены на автора. «А уж ругают же меня,— писал Плещеев в одном письме:— Звенигородская говорит, что от колодника, от ссыльного и ожидать ничего больше нельзя!» (Названная особа была женою местного откупщика, того самого, который выведен в повести под именем Семена Власьича).

Интересно, что сенсация, произведенная в Оренбурге повестью Плещеева, получила свое отражение не только в местной, но и в столичной печати. В Оренбурге в те годы жил один из активных сотрудников «Искры» С. Н. Федоров, который не замедлил поместить на страницах этого сатирического журнала (1860, № 8—9) остроумный фельетон, изображавший негодование чиновных обывателей Оренбурга-Ухабинска. Наиболее эффективной частью фельетона было послание, якобы адресованное Плещееву лицами, задетыми его сатирой. «Милостивый государь,— писали они ему,— ваш поступок превосходит всякую меру благопристойности и доброй нравственности. Описать честных людей, ревностно служащих государству, обществу и человечеству (некоторые из нас имеют пряжку беспорочной службы за 25 лет), недостой-

но ревнителя муз и просвещения». Напомнив далее автору повести, что, будучи в Оренбурге, он пользовался «радушием и гостеприимством» описанных им лиц («Вы обедали у Петра Григорьевича и Григория Федосевича, пили два раза чай у Ермолая Васильевича. Помимо сего: вы были одолжены от Евпатия Кирилыча пролеткою для делания визитов, ибо на улице стояла грязь, а извозчиков у нас не имеется»), — авторы послания так заканчивали его: «Чем же вы заплатили за наше гостеприимство? Черной, коварной неблагодарностью, а поэтому мы все, оскорбленные ядовитым поступком вашего сердца, заявляем вам наше глубокое презрение и призываем на главу вашу анафему!»

Плещеева мало трогала заочная брань его оренбургских недругов — настолько низко стояли они в его мнении. Убийственна общая оценка, какую он дал (в одном из писем) тогдашнему официальному и обывательскому Оренбургу: «Не стоит и толковать об этом Содоме, где уж, конечно, двух праведников не отыщешь, а потому он непременно в одно прекрасное утро провалится».

Это не значит, конечно, что общество Оренбурга ограничивалось кругом лиц, выведенных Плещеевым в его сатирической повести, и что в том же Оренбурге у него не было друзей. Мы уже назвали имя прогрессивного журналиста Федорова, друга и единомышленника поэта, которому он посвятил некоторые из своих стихотворений. К числу оренбургских друзей Плещеева следует отнести и Е. И. Барановского, который в годы ссылки поэта служил в Оренбургском крае — сначала в должности вице-губернатора, а затем гражданского губернатора. В годы подготовки крестьянской реформы он занял позицию, более либеральную, чем это допускалось для лиц его звания и положения, вследствие чего вскоре был уволен из губернаторов. Несколько лет тому назад в Оренбургском областном архиве были обнаружены (в копиях) 14 неизвестных дотеле писем Плещеева к Барановскому, относящихся к 1859—1860 гг., т. е. писанных в ближайшие месяцы по возвращении Плещеева из ссылки¹. Они содержат в

¹ Опубликованы в чкаловском альманахе «Степные огни», № 2, 1939, и в Сборнике Института литературы АН СССР «Шестидесятые годы», 1940.

себе немало интересных высказываний по самым жгучим вопросам тех знаменательных лет и свидетельствуют о том, что ссылка не сломила и не смирила бывшего петрашевца. Больше того: вопреки установившемуся представлению о Плещееве, как о «законсервированном человеке сороковых годов», письма эти с большой убедительностью показывают, что за годы, проведенные в изгнании, он в значительной мере освободился от былого политического идеализма и сильно эволюционировал в сторону сближения с революционной демократией. В частности, из этих писем видно, что Плещеев не питал каких-либо иллюзий относительно готовившегося «освобождения» крестьян. Подобно Чернышевскому, он не видел существенной разницы между дворянскими партиями, которые «сражались» между собою вокруг крестьянской реформы. «Что же проку, — читаем мы в письме от 12 апреля 1860 г., — что крестьянин освободился от тяжелой помещичьей лапы, когда в судах он по-прежнему не найдет правды, и когда этот же помещик будет всегда иметь возможность притеснить, ограбить, раздавить его? Что же проку, когда простолюдину по-прежнему будет заперта дверь к образованию?»

Критикуя политическую физиономию «Русского вестника» с его «ультра-английским направлением», Плещеев отдавал решительное предпочтение «Современнику». «То ли дело, — писал он Е. Барановскому в письме от 22 декабря 1859 г., — обозрения Чернышевского в «Современнике», хотя они идут в разрез со всей нашей литературой, потому что идеал Чернышевского — пошире идеалов всех этих парламентаристов. Хороша свобода слова, кто об этом говорит, но на одном этом остановиться едва ли можно. И что выигрывает народ, масса собственно, от этих блестящих речей? Что пролетарий во Франции — был ли обеспечен, когда Гизо и Тьер ораторствовали с трибуны, и не голодает ли он теперь в пресловутой Англии? Как ни говори, а последнее слово наука сказала устами социалистов и невольно лежит сердце к их учениям... Я не фурьерист, не кабетист, но думаю, что народ имеет право не только на труд, на кусок хлеба, но и на пользование всеми теми благами, которыми пользуются белоручки и эксплуататоры, сосущие его кровь. Ужели можно признать существующее распределение богатств — нормальным, справедливым?»

В письмах Плещеева к Барановскому попадают строки об Оренбурге и Оренбургском крае того времени. Так, в письме от 30 марта 1860 г. Плещеев сообщает: «В «Колоколе» описаны дела по заводам Пашкова и Сухозанета и дело Жадовского. Любопытно прочесть — в каком виде все это изложено». Названные лица были наиболее крупными из помещичьих зубров Оренбургской губернии. Вопиющие безобразия, которые они творили в принадлежавших им селах и горных заводах, побудили Барановского начать против них дело. Между бюрократическими инстанциями завязалась пространная секретная переписка, установившая факты самой разнузданной эксплуатации и бесчеловечных измывательств над крестьянами и горнозаводскими рабочими. Дело доходило до самого царя, но, как и следовало ожидать, в конце концов было замято, так как обвиняемые имели сильные связи в Петербурге. Поборникам попранной справедливости ничего больше не оставалось, как апеллировать в высшую тогда общественную «инстанцию» — к Герцену в Лондон, куда какими-то путями и были доставлены все официальные материалы по этому делу. Герцен опубликовал их в № 3 и 4 своего прибавления к «Колоколу», носившего название «Под суд!»

Плещеев писал об Оренбурге и как публицист. По приезде в Москву он принял близкое участие в только что возникшей тогда газете «Московский вестник» (1859—1861 гг.) и, естественно, заботился об отражении на ее столбцах жизни того края, с которым только что расстался. В 1860 г. он поместил в названной газете¹ заметку об «Оренбургских губернских ведомостях». Отметив полицейски-казенный характер большинства губернских ведомостей, он сделал исключение лишь для немногих из них, в том числе и для Оренбургских, от которых, как он писал, «начинает хоть сколько-нибудь веять новой жизнью, в которых редко-редко попадутся рутинные описания иллюминаций и откуда совершенно изгнан полицейский пафос». Сославшись в виде доказательства на несколько дельных заметок и статей в последних номерах рецензируемой газеты, автор продолжал: «Все это пишется и печатается в Уфе... А что же делается в Оренбурге, где сосредоточено управление этим обширным краем? Отчего Оренбург не

¹ В № 27.

имеет своего печатного органа? Отчего там не предпримут издания такого же сборника, какой издается в настоящее время в Перми? ¹ Он мог бы быть не менее интересным... В Оренбурге много особенностей, резкой чертой отличающих его от других городов России. Обитатели его состоят из различных племен, имеющих каждое свои обычаи, нравы, поверья... Он ведет торговлю с Бухарой и Хивой... Ссылаясь далее на оренбургского корреспондента Жакмона, Плещеев сообщал, что в то время, как «грамотность дала толчок сословию писарей, мелких чиновников, приказчиков, солдат и мещан», оренбургские «так называемые аристократы и их дражайшие половины предпочитают светскую болтовню всяким книгам», что в Оренбурге «даже библиотеки порядочной нет... Нашелся было предприимчивый и доброжелательный человек, открывший у себя подписку на чтение всех журналов за уменьшенную плату (а для бедных людей совершенно бесплатно), но и его предприятие рухнуло! Покойный граф Перовский оставил Оренбургу библиотеку, заключающую в себе много дельных, прекрасных сочинений, относящихся преимущественно к Средней Азии, и все путешествия ученых в Оренбургский край и записки о нем: но и эта библиотека, по уверению г. Жакмона, ни для кого недоступна и хранится в генерал-губернаторской канцелярии, неизвестно для каких причин. А ведь она могла бы быть очень полезна для читателей Оренбурга. Как знать, что между ними не нашлось бы людей, желающих взяться за труд, но не имеющих к тому средств? И сколько, вероятно, есть на Руси таких библиотек, служащих только украшением города и существующих единственно для того, чтобы бросить ими пыль в глаза заезжему путешественнику?»

Живя в Оренбурге, Плещеев наблюдал здесь немало простых людей, жаждавших просвещения, и в вышеприведенных строках он ратовал за их интересы, верный традициям русского демократического просветительства.

В 1871 году г. Плещеев переехал из Москвы в Петербург, где вошел в состав редакции «Отечественных запи-

¹ Имеется в виду только что вышедший тогда краеведческий «Пермский сборник» в двух книжках, получивших положительную оценку на страницах «Русского слова» (1859, № 10 и 1860, № 5) в рецензиях, написанных М. И. Михайловым совместно с Н. В. Шелгуновым.

сок», а после их закрытия (в 1884 г.) заведовал литературным отделом журнала «Северный вестник». Плещеев умел находить живой контакт с молодежью позднейших поколений. На склоне дней своих он был другом Надсона, Гаршина, Чехова. Для Плещеева характерна его неподдельная любовь к детям, для которых он написал немало превосходных стихотворений. Прекрасно владея языками, Плещеев много переводил, особенно из Гейне. Следует отметить также его перевод на русский язык «Наймички» Т. Шевченко.

**ТАРАС
ГРИГОРЬЕВИЧ
ШЕВЧЕНКО**

елых десять лет (1847—1857) пришлось провести на территории Оренбургского края и частично в самом Оренбурге великому украинскому поэту Тарасу Григорьевичу Шевченко.

«Воистину народный поэт», — писал о нем М. Горький, относя Тараса Шевченко, наряду с Пушкиным и Адамом Мицкевичем, к «людям, воплощающим дух народа с наибольшею красотой, силой и полнотой». Сам Шевченко говорил о себе: «История моей жизни составляет историю моей родины». Гениальный сын украинского народа, впитавший в себя все его исторические воспоминания, думы и чаяния, Шевченко с необычайной силой отразил их в своей поэзии, пронизав ее пламенной ненавистью к царям, помещикам и ко всем угнетателям трудящихся.

Произведения Шевченко (как печатные, так в особенности те, которые, не будучи пропускаемы цензурой, распространились в рукописях), а также его сатирические рисунки имели огромное революционизирующее значение. Правительство Николая I понимало всю опасность для себя «мужицкого поэта» и ждало только удобного предлога, чтобы расправиться с ним. Таким предлогом было вхождение поэта в так называемое Кирилло-Мефодиевское братство.

Арестованный в Киеве 5 апреля 1847 г., Шевченко под караулом был отправлен в Петербург и заключен в Петропавловскую крепость. Шеф жандармов доложил царю, что